

И.М. Гостев

НОВОДВИНСКАЯ КРЕПОСТЬ КАК ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ БЕРЕГОВОЙ ОБОРОНЫ В УСТЬЕ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ В XVII–XIX ВЕКАХ

Сопоставление новых, не вводившихся ранее в научный оборот, документов из российских архивов с уже опубликованными в разные годы сведениями позволяет по-новому расставить некоторые военно-стратегические акценты в отдельных событиях XVII–XIX веков и несколько изменить устоявшуюся хронологию истории военно-инженерной науки.

Объективная история отечественной фортификации, и в частности Петровской эпохи, ещё не написана. Редкие публикации раннего периода опирались в основном на мнения выдающихся теоретиков и опыт европейских практиков. Первая серьёзная попытка комплексного анализа и описания российских крепостей была предпринята Ф.Ф. Ласковским в середине XIX века, однако разрозненность и фрагментарность архивных материалов, а также давление сложившихся к тому времени стереотипов привели автора к некоторым необъективным оценкам, дававшимся им в основном с точки зрения современной ему военной теории.

Береговые (приморские) крепости до начала Крымской войны вообще редко выделялись из общего ряда сооружений; им не посвящали серьёзных исследований. Массовые публикации на тему береговой обороны появились в конце XIX — начале XX веков, когда было просто необходимо переосмысливать опыт, полученный в результате неудач Крымской, а потом и Русско-японской войн. Но и тогда российские военные инженеры прежде всего оглядывались на Запад, забывая про богатый собственный опыт, в результате чего многое им приходилось изобретать заново.

Утрата Россией в Ливонской войне выхода к Балтике из-за захвата шведами основного российского торгового порта — Нарвы — побудила Ивана IV в марте 1583 года принять решение о немедленном строительстве Архангельска — новых морских ворот Российского государства. К осени деревянная крепость на мысе Пур-Наволоок уже была готова к обороне. Исключительная важность закладки нового города-порта подчёркивалась посылкой воеводы. «В некоторых важных, но редких случаях, посылались от Государя доверенные лица; так, например при построении деревянной ограды в Архангельске в 1584 г., был прислан из Москвы Воевода Петр Афанасьевич Нащокин, который по окончании возложенного на него поручения возвратился обратно в Москву»¹, — писал Ф.Ф. Ласковский.

Первоначально гарнизон крепости насчитывал 200 стрельцов, но уже к 1647 году он состоял из двух голов, 10 сотников, 20 пятидесятников, 1000 стрельцов, 11 пушкарей и 20 затинщиков. По данным описи 1623 года, артиллерийское вооружение деревянной крепости состояло из 32 орудий, которые были сосредоточены в основном на речном флесе².

Деревянная крепость, несмотря на пожары, неоднократно отстраивалась вновь. Перестроенная в 1671 году, она простояла, вероятно, до двадцатых годов XVIII века, хотя после строительства каменного города деревянная крепость — «деревянной стоячей острог, по городу девять башен деревянных» имела лишь административное значение, так как в ней располагался лишь «Государев двор, где живут воеводы, да казенная каменная полата»³.

К середине XVII века в Пудожемском устье Северной Двины, которое тогда было основным торговым путем, и в Берёзовском устье располагались караулы сотников и стрельцов «для карабельного приходу», основной задачей которых было пресечение беспошлинного ввоза товаров⁴. Пудожемское устье контролировалось стрелецким постом на острове Ягры. В Берёзовском устье караул находился на Быковом острове — на самом выходе в Белое море.

Но строительством деревянных крепостей защита северных рубежей не ограничивалась. Ещё в 1646 году в Архангельск был направлен указ царя Алексея Михайловича о «постройке башен и замкнутии железными цепями Березовского устья Двины для воспрепятствования тайному проходу иностранных кораблей». Воеводе Илье Безобразову и дьяку Калистрату Жохову во взаимодействии со столником и воеводой князем Иваном Черкасским велено

было определить, где «мочно сделать крепости, башни поставить каменные, и поперег чеши железные сделать». Им предписывалось «сметить подлинно: сколько на те башни камни бутового и белого, и кирпичю и извести, и на связи железа, и на сваи лесу, и на кровлю тех башен тесу, и на чеши железа ж надобно... а сметя то подлинно во что в отделе со всем две башни и чеши станут». Царский указ требовал составить полноценный проект, в котором нужно было не просто указать количество материалов и цены на них, но и точно определить место строительства, составить чертёж с размерами, указав число требуемых работников и время, необходимое на строительные работы. Однако крепости с башнями построены не были, так как по отписке воевод мест, пригодных к строительству, не найдено и «каменщиков и кузнцов болших нет, и каменного дела никто не делывал, и такой каменной сметы сметить некому»⁵.

Интересно мнение Андрея Виниуса, голландца, первого строителя тульских железоделательных заводов, приведённое в той же выписке Посольского приказа: «Стрельцы де хотя и ведают, что мочно крепости сделать, и они де не скажут, опасаясь лишних караулов, а посадские и иные люди тутошние жильцы потому не учнут сказывать, опасаясь от того строенья большие тягости и работы..., а на то надобно дозор земляной или каменной устроить, а то де он знает, что и ныне каменные крепости устроить мочно, что ото лду и от прибылой и морской воды помешки не будет, как он те статьи в своей земле и в иных государствах много видал». Укрепления действительно были необходимы — угроза шведского нападения была реальна: «Как он то слышал у Петра Марселиса в роговоре, как де он был в Свее, и в те поры Яков Понтусов говорил при нем в розговорах: «если бы де он досуж был, и замляной бы чертеж розумел в те поры, как он воевал zde в Русийском государстве, и он бы не с тое стороны начал войну, а почать было ему с Архангелогородскую сторону, потому что то первые ворота Росийского государства..., потому что то ключи земляные»; и потому пристойно и надобно та сторона крепить»⁶.

Строительство «каменного города» — крепости, включавшей русский и немецкий гостиные дворы, в 1667–1684 годах обеспечило надежную защиту купцов и их товаров, но рейд по-прежнему оставался незащищённым. В случае вражеского нападения торговым судам пришлось бы обороняться самостоятельно, тем более что некоторые угловые башни гостиных дворов так и не были закончены и стояли без перекрытий и кровли.

Впервые задача обороны рейда и порта от неприятеля была реализована в 1674 году в период строительства каменного города. Именно тогда в комплексе сооружений береговых укреплений Архангельска была заложена идея глубокой обороны. Как гласит Двинская летопись: «При воеводе Федоре Полуехтовиче Нарышкине построены на Двинском Березовском устьи на караулах в трех местех деревянные раскаты для корабельного приходу». Здесь раскаты обозначают береговые батареи, которые были построены из срубов, потому что низменное положение берегов Березовского устья и частые разливы р. Двины делали сооружение земляных батарей весьма затруднительным»⁷. Точное местонахождение тех «раскатов» неизвестно.

К началу XVIII века Архангельск был единственным морским портом государства Российского. Сюда приходили корабли и торговые суда богатейших европейских держав. За первые сто лет своей истории он стал европейским фасадом России. Бойкая заморская торговля обеспечивала процветание Архангельску и стабильную прибыль в государственную казну.

Начавшаяся Северная война принесла первые неудачи русской армии. Первое же крупное поражение в сражении под Нарвой практически полностью разоружило армию и разорило Россию. Была потеряна почти вся полковая артиллерия — 150 пушек. В Европе престиж России сильно пошатнулся.

В конце 1700 года появилась информация о подготовке экспедиции шведского флота в Архангельск. Задача, поставленная шведским королем Карлом XII, была предельно конкретна — разорить Архангельск, сжечь город, уничтожить судоверфь и порт, пресечь торговлю России с Европой. Возможное разорение Архангельска имело бы для страны катастрофические последствия. Это был бы крупнейший стратегический провал, который мог на долгое время изолировать Россию от Европы, поставить в зависимость от Швеции, что могло отбросить развитие нашей страны на десятилетия назад. Международный престиж государства Российского был бы окончательно подорван.

А такое развитие событий было вполне возможно — порт был совершенно незащищен. Старая деревянная крепость хоть и имела грозный вид, но при всём желании не могла выдержать артиллерийскую осаду. Каменная крепость была слабо вооружена, и, если она могла устоять при нападении, то город и рейд оставались на растерзание врагу. Ранее возведённые в устье Северной Двины

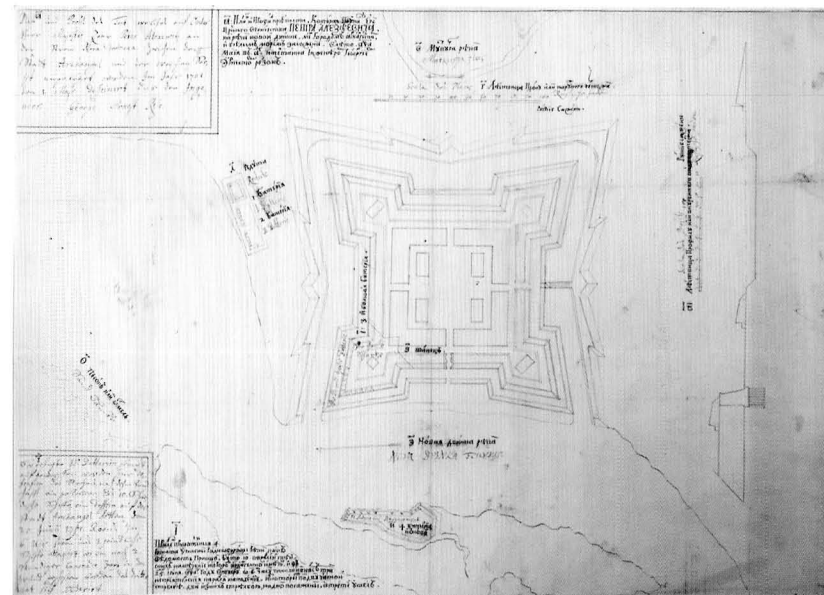
«деревянные раскаты» пришли к тому времени в упадок и разрушились полыми водами. Всё это было прекрасно известно шведам, и они рассчитывали на быструю и эффектную победу.

Требовалось не просто защитить город и находящиеся на рейде суда, нужно было не допустить к нему противника. И 17 декабря 1700 года Пётр указал: «У города Архангельского боярину и воеводе князю Алексею Петровичу Прозоровскому на Малой Двинке речке..., построить вновь крепость ситадель на 1000 человек, чтоб в ней с магасейными запасными дворами вышеписанному числу людей быть было удобно»⁸. Крепость должна была соответствовать современным требованиям, перекрывать подступы с моря к Архангельску, надёжно защищать гарнизон от артиллерии противника, быть неприступной с суши для вражеского десанта.

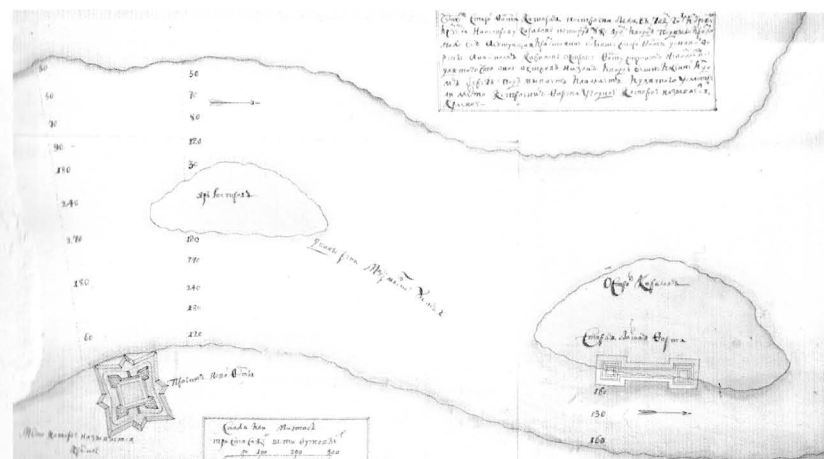
Как известно, для строительства крепости было выбрано место между г. Архангельском и Белым морем на острове Линской Прилук на берегу Корабельного рукава Северной Двины, примерно в 20 верстах от города (от современного центра Архангельска). В этом месте фарватер очень близко подходил к берегу, и корабли неминуемо попадали в зону эффективного огня крепостной артиллерии. Узкий фарватер, проходивший между местом, избранным для будущей крепости, и Марковым островом, не только мог быть легко перекрыт «цепью» — боновым заграждением, но и не позволял вероятному противнику сосредоточить значительное количество боевых кораблей, что обеспечивало значительное превосходство береговой артиллерии над врагом.

Как говорили французы во времена парусного флота, «Quatre canons sur terre valent un vaisseau» (четыре орудия на берегу стоят целого корабля). Даже значительно позже в теоретических работах учёных о береговых крепостях указывалось: «Можно с достаточной вероятностью принять, что судовая артиллерия, вследствие меньшей меткости и меньшей действительности своего огня, так тогда может с успехом бороться с береговою, когда она проходит ее в несколько раз числом своих орудий, при прочих одних условиях»⁹.

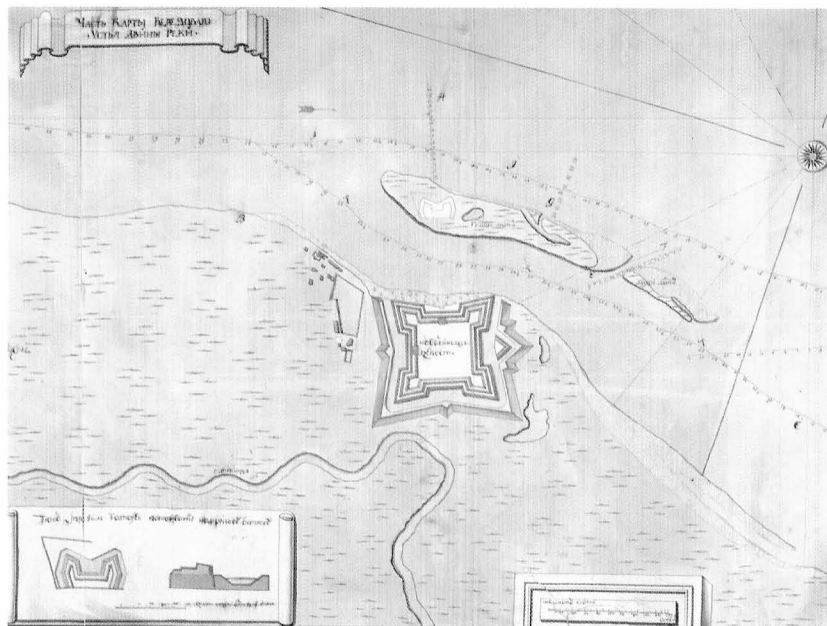
Крепость изначально строилась каменной, четырёхбастион представляющей в основе плана правильный квадрат. По ее архитектурным и инженерным решениям её нельзя безоговорочно отнести ни к одной европейской системе фортификации, поскольку она вобрала в себя всё лучшее из немецкой, французской, итальянской и голландской инженерных школ. Своей формой она напо-

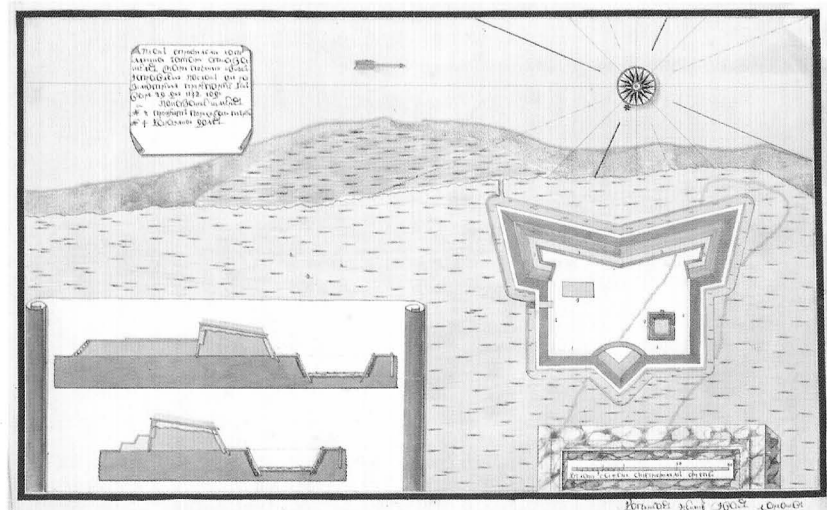
Чертеж строящейся Новодвинской крепости и батарей по состоянию на 25 июня 1701 года. Инженер Г. Резе. Из фондов РГАДА

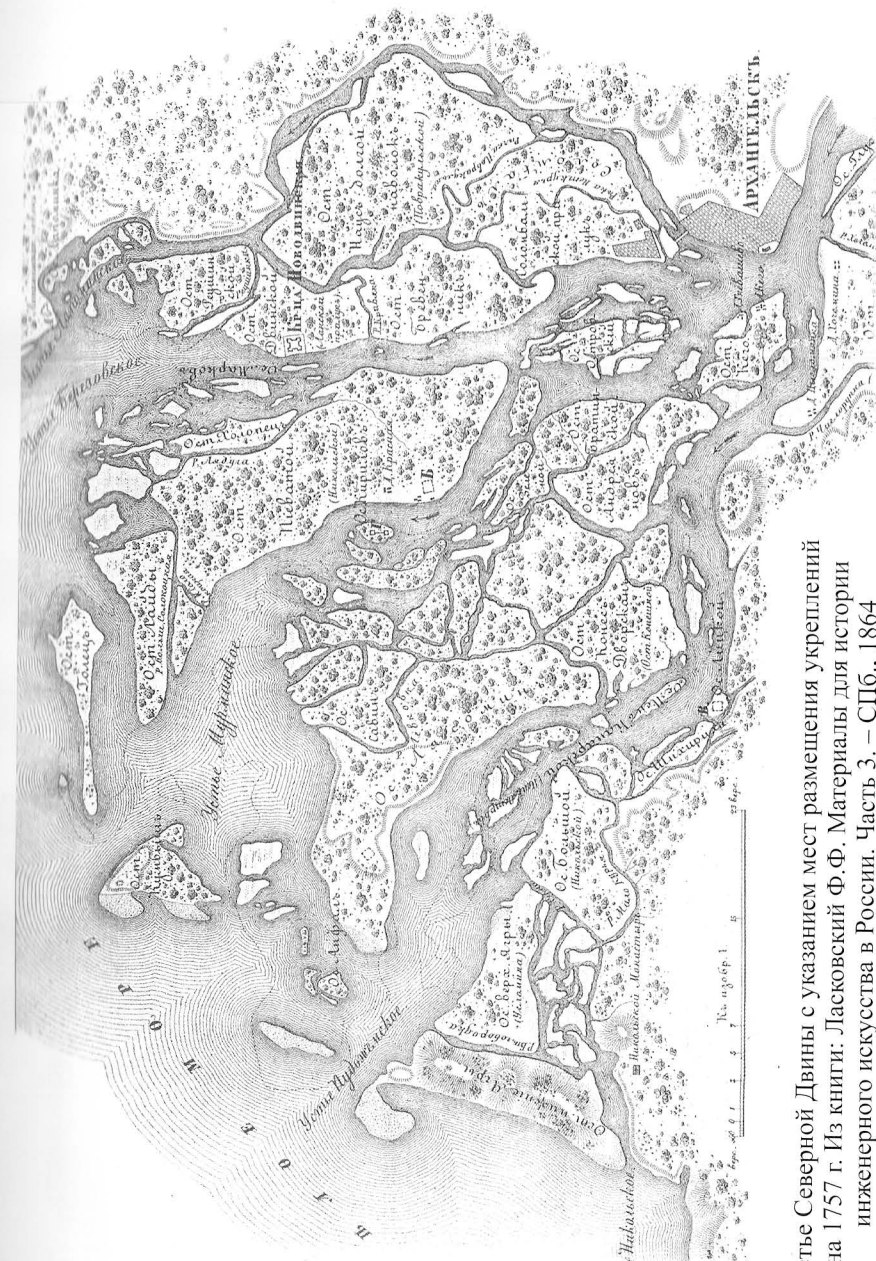
Чертеж старого форта, который был построен в 1702 году из брёвен и земли на острове Кирилове. К 1720 году это укрепление было разрушено льдом и внешней водой. На чертеже обозначен спроектированный в 1720 г. форт у места Красное. Инженер Г. Резе. Из фондов РГВИА

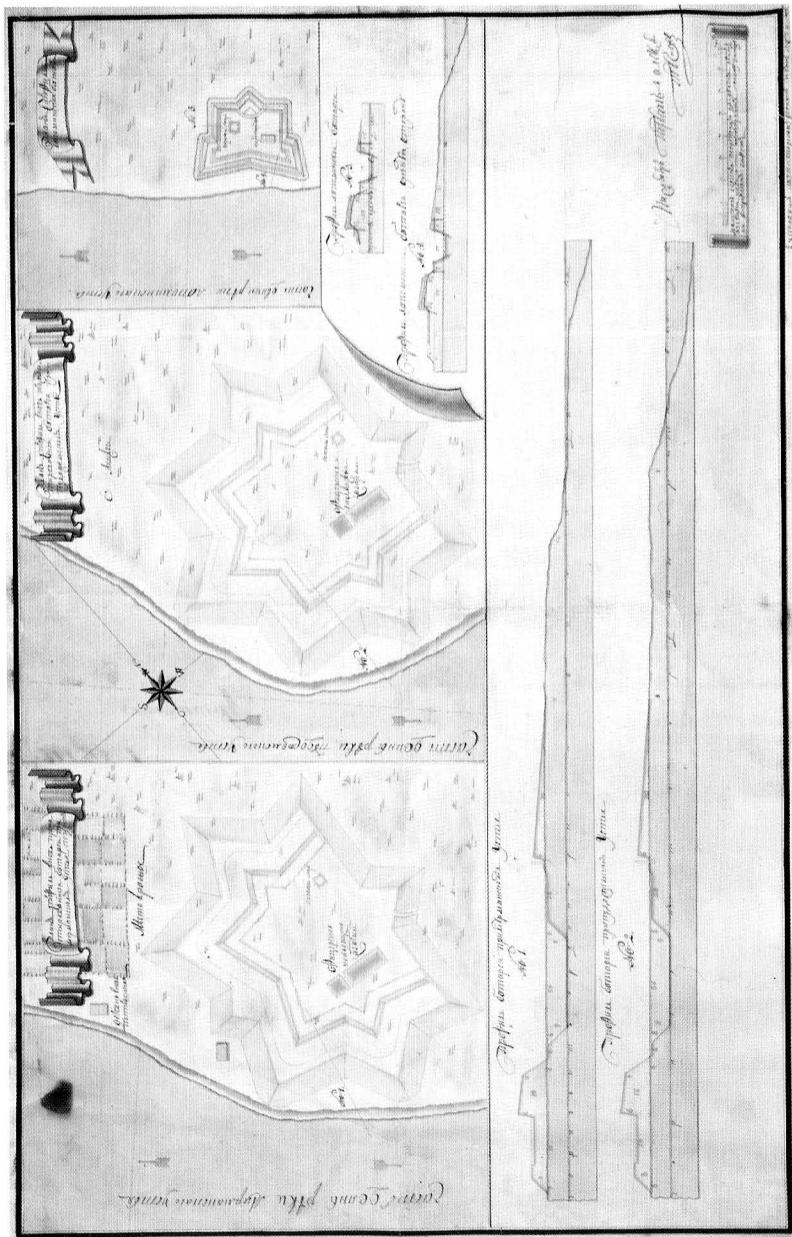
Фрагмент карты Берёзовского устья с ситуацией у Новодвинской крепости и проектируемой батареи на о. Марков. 1742 г.
Из фондов РГВИА

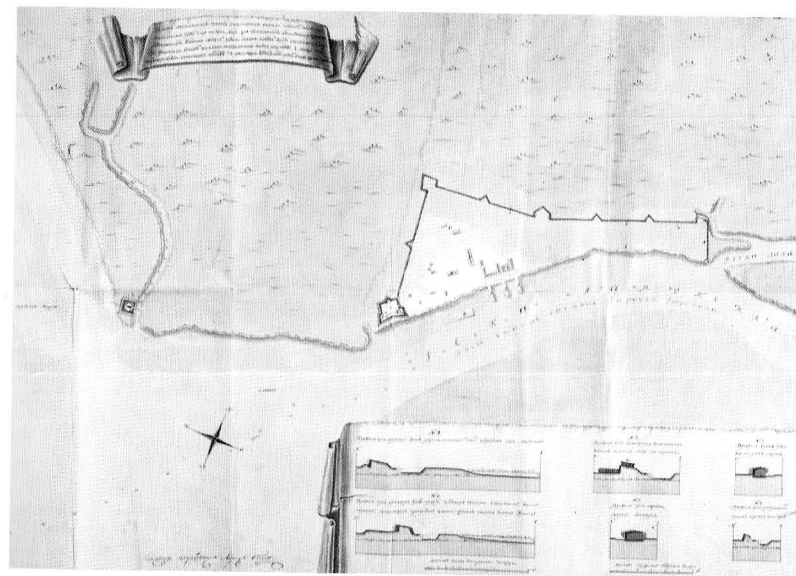
План и профили Лапоминской батареи. 1742 г. Из фондов РГВИА

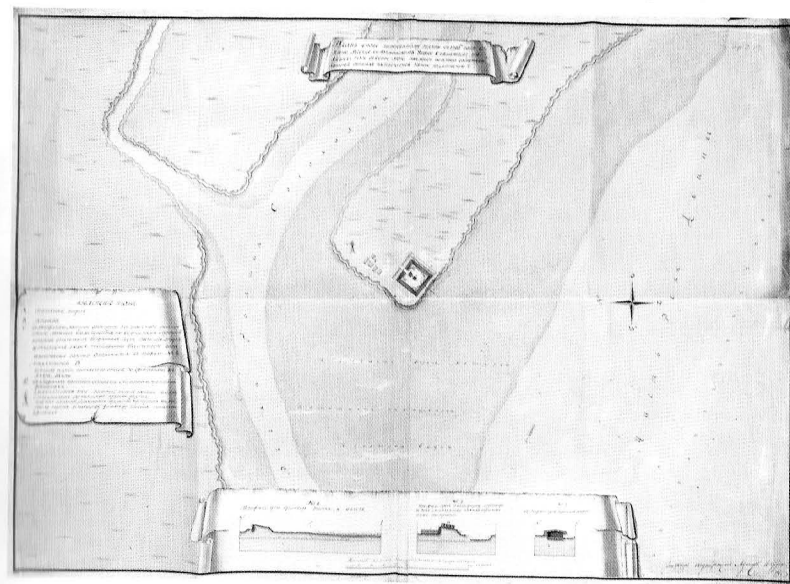
Устье Северной Двины с указанием мест размещения укреплений на 1757 г. Из книги: Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть 3. – СПб., 1864

Планы и профили батарей на Мурманском и Пудожемском устьях и в Лапоминской гавани. 1757 г.
Инженер-поручик А. Тучков. Из фондов РГВИА

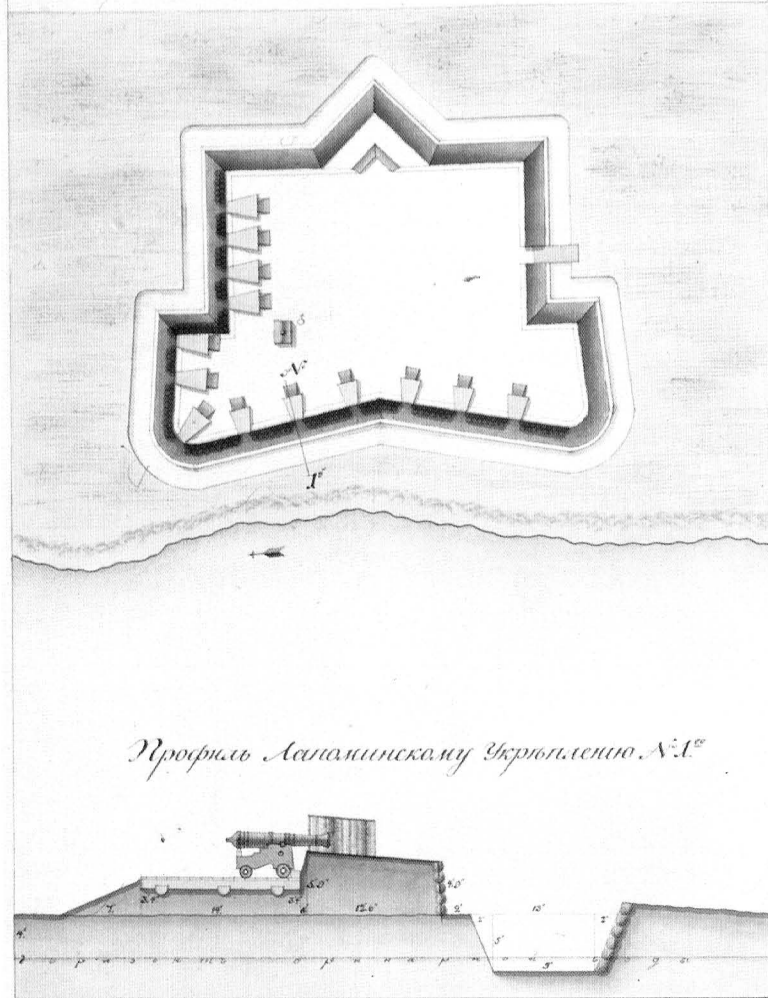

Фрагмент чертежа укреплений Лапоминской гавани. 1790 г.
Инженер-подпоручик А. Обручев. Из фондов РГВИА

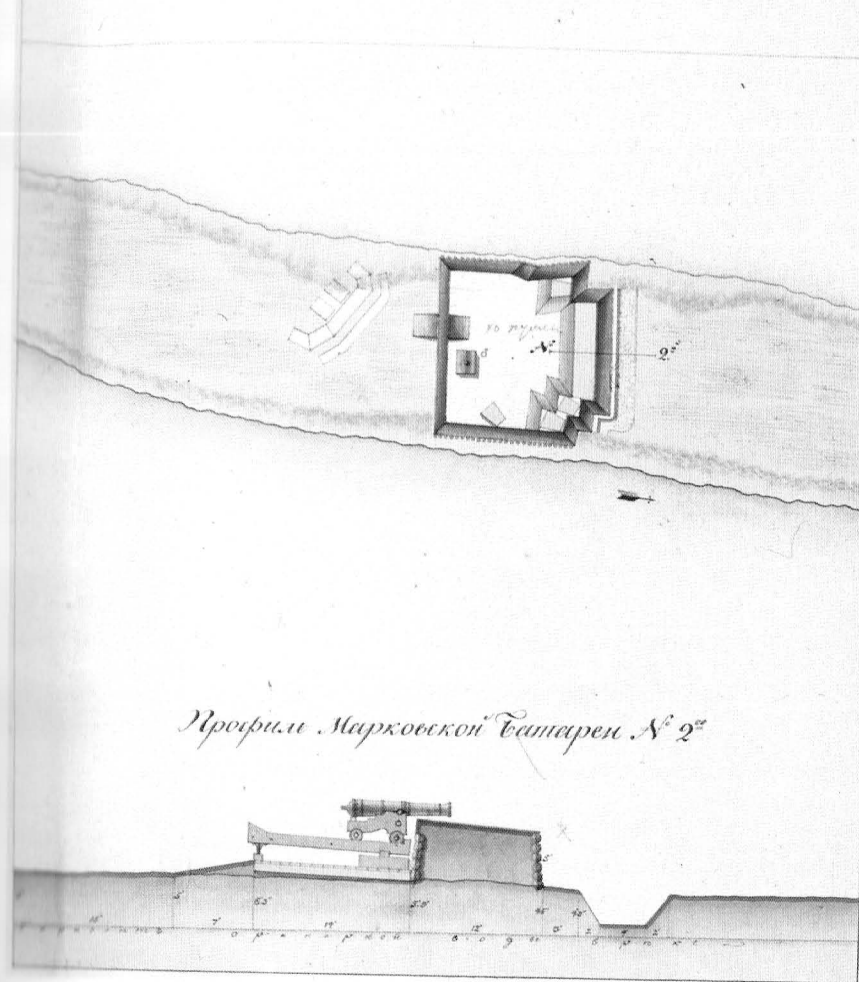
План редута, построенного в июне 1790 г. на о. Самоноска.
Инженер-подпоручик А. Обручев. Из фондов РГВИА

Планъ Лапоминскому Укрѣпленію одвѣснати
Пушкихъ 12^{ти} фунтоваго Калибра для Защищенія
Лапоминской Гавани. Ознано на Картиѣ Ли-
терого А.

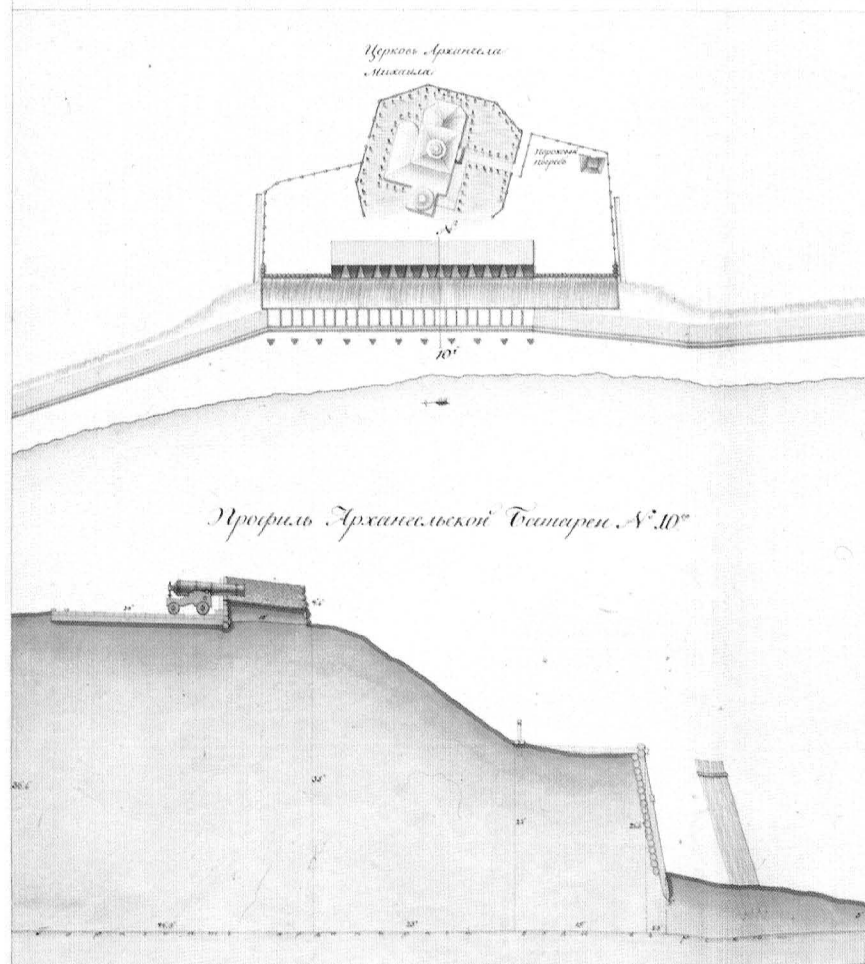
План и профиль Лапоминского укрепления, построенного
в 1810 г. Инженер-подполковник Третьяков. Из фондов РГВИА

Планъ Батареи на островѣ Марковѣ противъ Новоде-
лской Крѣпости одесяти Пушкихъ 18^{ти} фунтоваго Калибра
наповоротныхъ Платформахъ. Знаменуется на Картиѣ
подъ Литерою В.

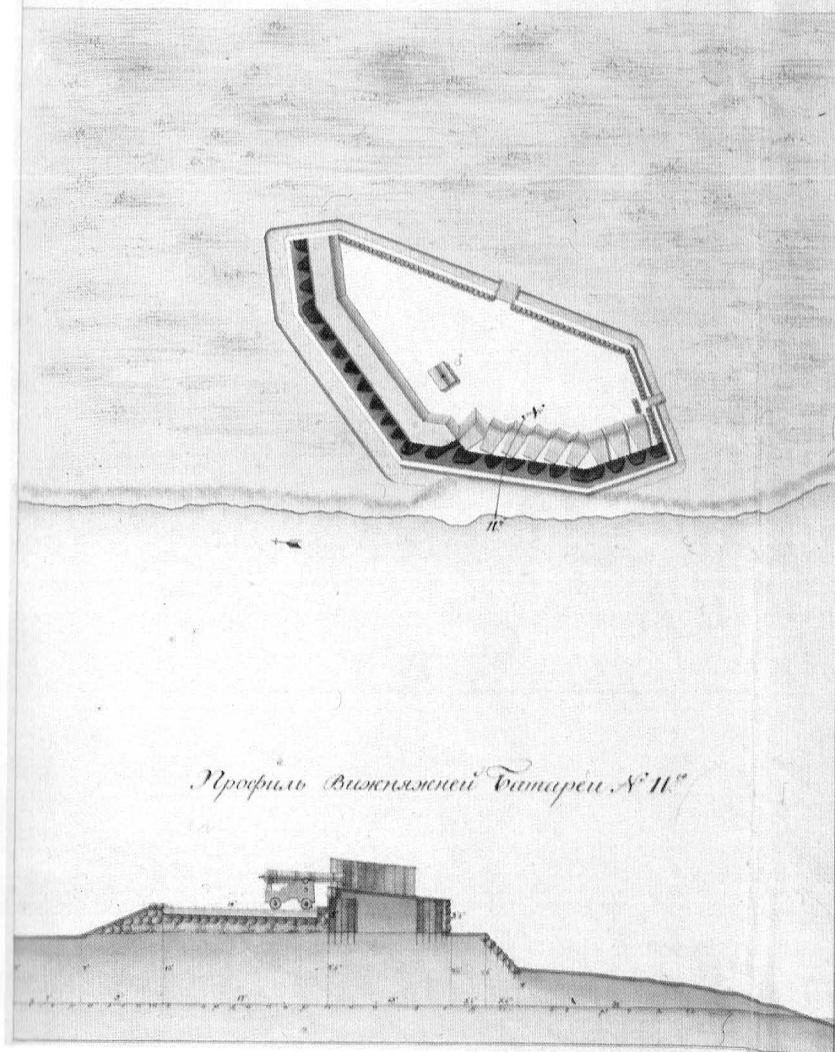
План и профиль батареи на о. Марков, построенной в 1810 г.
Инженер-подполковник Третьяков. Из фондов РГВИА

Планъ Батареи состоящей въ городѣ Архангельскѣ одвѣнацати пушками 24^х фуриновое Калибра действующихъ на форсатеръ противъ никольскаго Устья, Значить на Картѣ Литерою II.

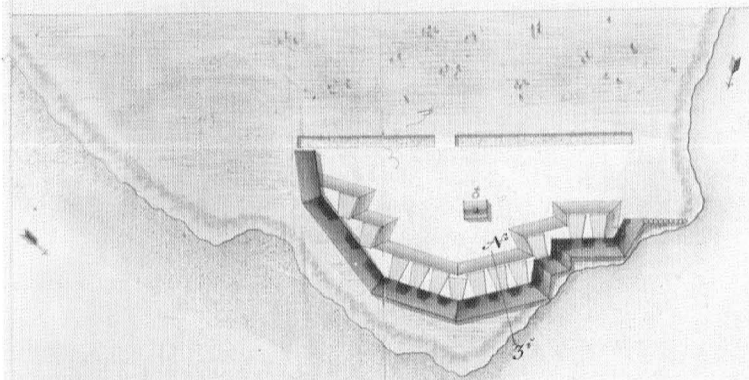
План и профиль батареи в г. Архангельске у церкви Архангела Михаила. Построена в 1810 г. Инженер-подполковник Третьяков. Из фондов РГВИА

Планъ Батареи въ Никольскомъ Устьѣ на Островѣ Вижняжнемъ о семи пушкахъ 18^х и одвѣнацати 12^х фуриновыхъ. Для Защищенія форсатера съ стороны прохода пудожскаго значить на Картѣ Литерою I.

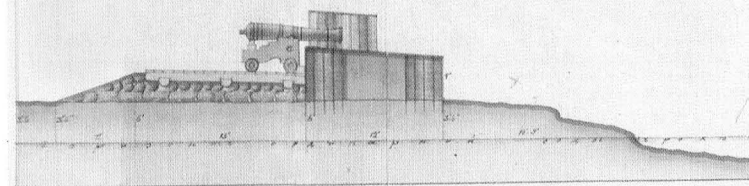

План и профиль батареи на о. Вижняжем, построенной в 1810 г. Инженер-подполковник Третьяков. Из фондов РГВИА

Планъ Батарей на островѣ Повракульскомъ
о двенадцати пушкахъ 12го фунтового калибра
для обороны форсатера въ рѣкѣ Маймакъ
подъ Амуромъ.

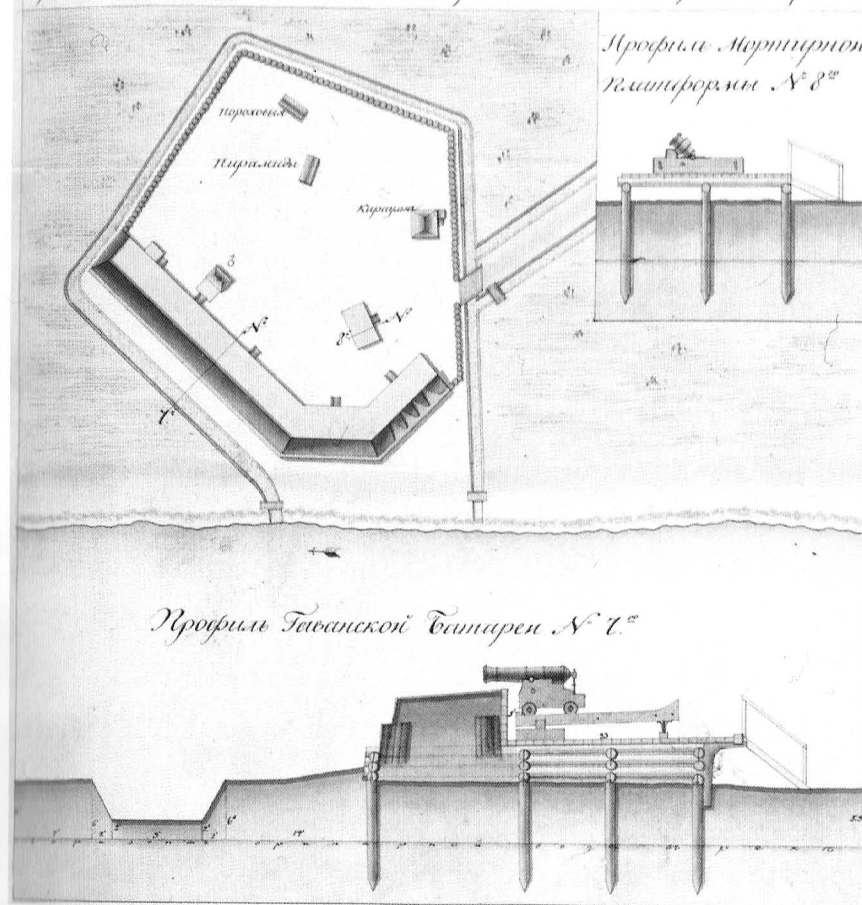

Профиль Повракульской Батарей № 3го

План и профиль батареи на о. Повракульском, построенной в 1810 г.
Инженер-подполковник Третьяков. Из фондов РГВИА

Планъ Гаванской Батарей близъ селенія Соломбальскаго и Во-
инираментъ о четырёхъ пушкахъ и четырёхъ Коронахъ
24го фунтового калибра, двухъ Единоорогахъ полукартунныхъ и
двухъ Мортиръ 2го пудовыхъ, Пушки и Единоороги поставлены на по-
воротныхъ платформахъ, оная батарея размѣрена на картѣ мѣтерами 1^ю

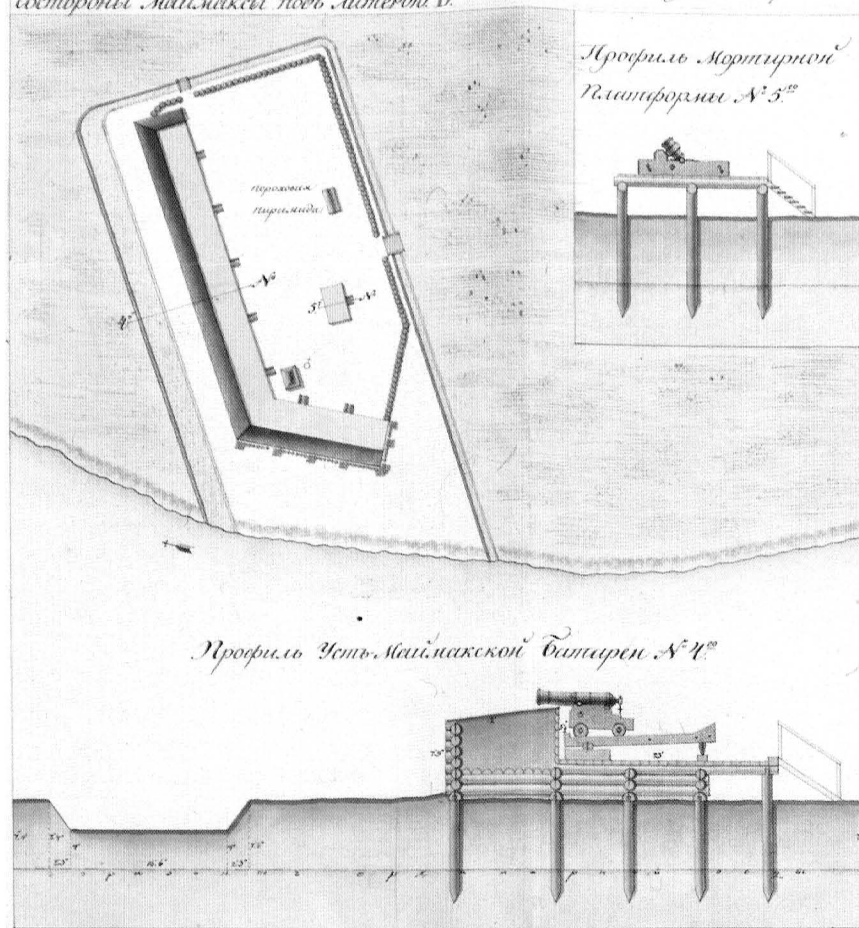

Профиль Мортирной
Платформы № 8го

Профиль Гаванской Батарей № 1^ю

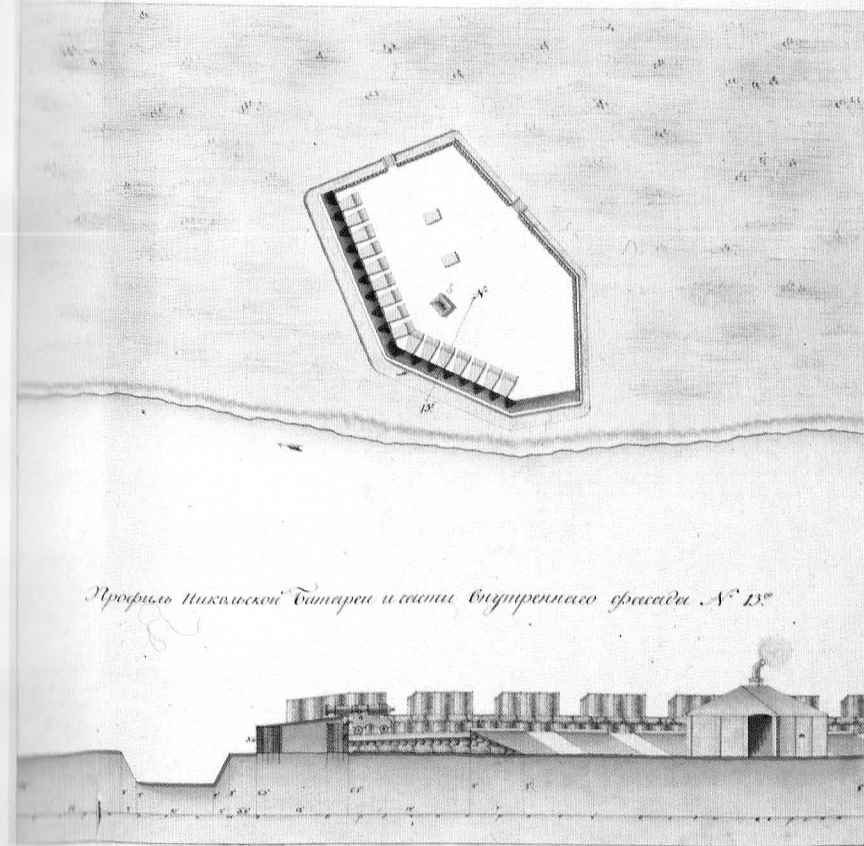
План и профиль Гаванской батареи вблизи Соломбальского селения.
Построена в 1810 г. Инженер-подполковник Третьяков. Из фондов РГВИА

Планъ Батареи на островъ Соломбальскомъ на берегу реки Двины близъ Устья Маймаксы о двехъ 24^х фунтовыхъ пушкахъ, 12^х фунтовомъ Калибра на поворотныхъ Платформахъ и двухъ мортирахъ 2^х пудовыхъ построенной для обороны форвартира Поверзовскаго Устья реченого съ стороны Маймаксы подь Мисерво Д.

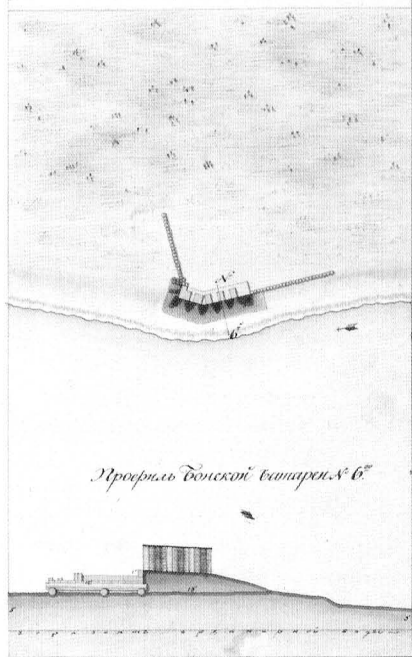
План и профиль батареи на о. Соломбальскомъ вблизи устья Маймаксы. Построена в 1810 г. Инженер-подполковник Третьяков. Из фондов РГВИА

Планъ Батареи на Никольскомъ острово о теплннцнции пушкахъ, 12^х фунтовомъ Калибра и двухъ Мортиръ 2^х пудовыхъ для защиты. Мурманскаго подхода Мисерво на Картою подь Мисерво Д.

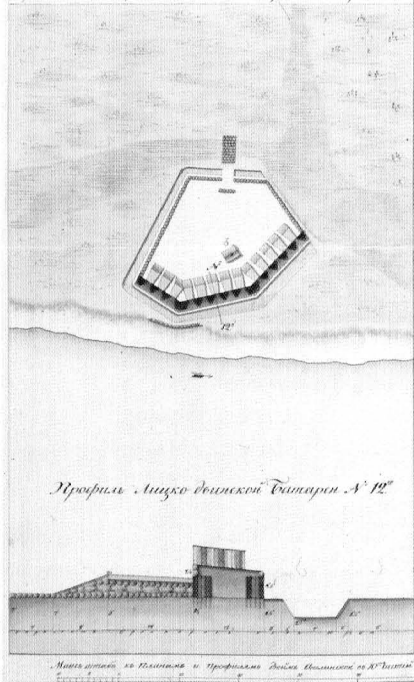
План и профиль батареи на о. Никольском, построенной в 1810 г. Инженер-подполковник Третьяков. Из фондов РГВИА

План временной батареи построенной для защиты во проливе 1808 году бона олянии Единорусскою Консервю Картина урныхъ подъ Липерова Е.

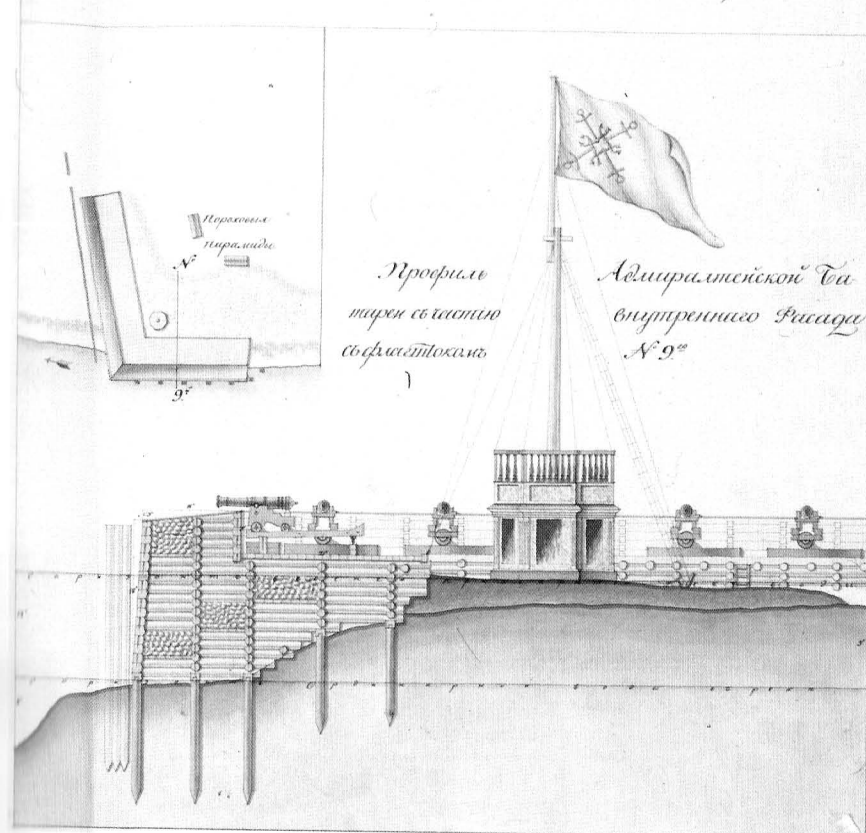

План и профиль временной боковой батареи, построенной в 1808 г. План и профиль батареи на о. Лицком, построенной в 1808 г. и ликвидированной в 1809 г. в связи с перекрытием русла на Пудожемском баре затопленными барками. Инженер-подполковник Третьяков. Из фондов РГВИА

План батареи в Никольскомъ Устье на островъ Лицко-Винской построенной въ проливе 1808 году а въ 1809 году уничтоженной по причине, что въ проливе Пудожемскомъ на бары, форсировавъ Заливную батарею, батарея оказалась на островъ Липерова Е.

Планъ батареи въ Маломъ Адмиралтействѣ о размѣщеніи пушекъ 12 фурипового калибра на поворотныхъ платформахъ для защиты форсатера при Адмиралтействѣ подъ Липерова Е.

План и профиль батареи в Малом Адмиралтействе, построенной в 1810 г. Инженер-подполковник Третьяков. Из фондов РГВИА

Планы батарей с 100 деревян. башнями, по Милославскому устью реки Савиры и Дамы.

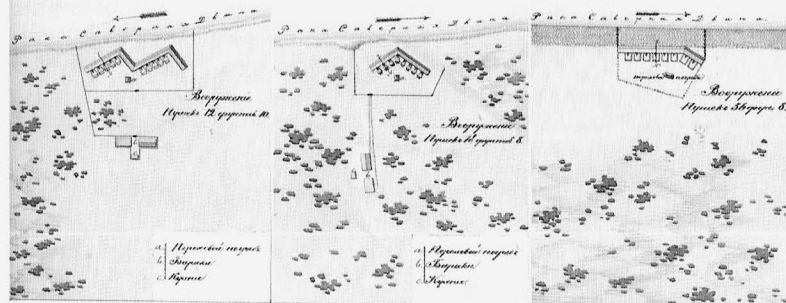
Планы батарей с 100 деревян. башнями, по Милославскому устью реки Савиры и Дамы.

Планы батарей с 100 деревян. башнями, по Милославскому устью реки Савиры и Дамы.

Схема на Виринском Б.

Схема на Виринском Б.

Схема на Виринском Б.

Планы батарей на Мисра-Красной батарее.

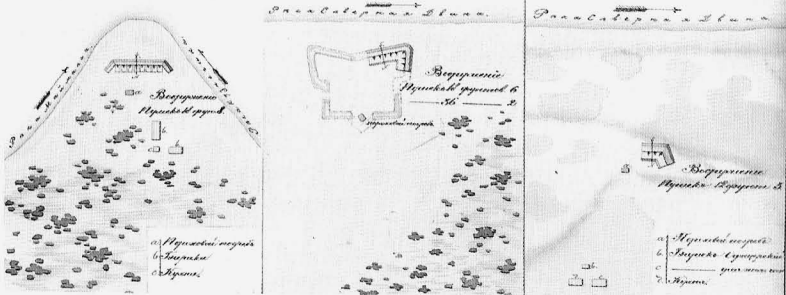
Планы батарей при Милославской батарее, по селению Милославского устья реки Дамы.

Планы батарей на Милославской батарее.

Схема на Виринском Б.

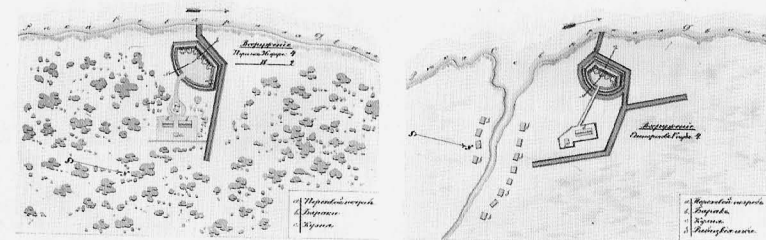
Схема на Виринском Б.

Схема на Виринском Б.

Планы батарей на селении Бревенниково.

Планы батарей на селении Муровое.

Профиль по линии 1/2

Профиль по линии 1/2

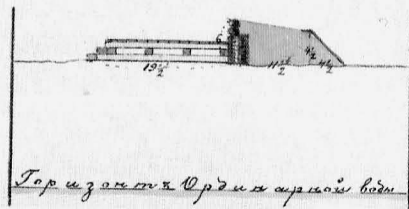
Слева (два верхних ряда): планы батарей, построенных в 1854 г. у д. Глинник, у д. Красной, у Соломбальского селения, на о. Повракульском, при Лапоминской гавани и на о. Мудьюг. Из фондов РГВИА.

Справа: профили указанных батарей. Из фондов РГВИА. Слева внизу: планы и профили батарей, построенных в 1855 г. на о. Бревенник и Муравой. Инженер-поручик Старков. Из фондов РГВИА

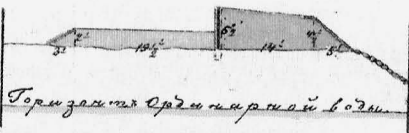
Профиль по линии № 1.

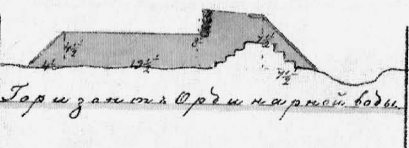
Профиль по линии № 2.

Профиль по линии № 3.

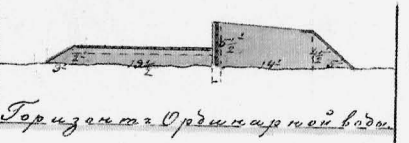
Профиль по линии № 4.

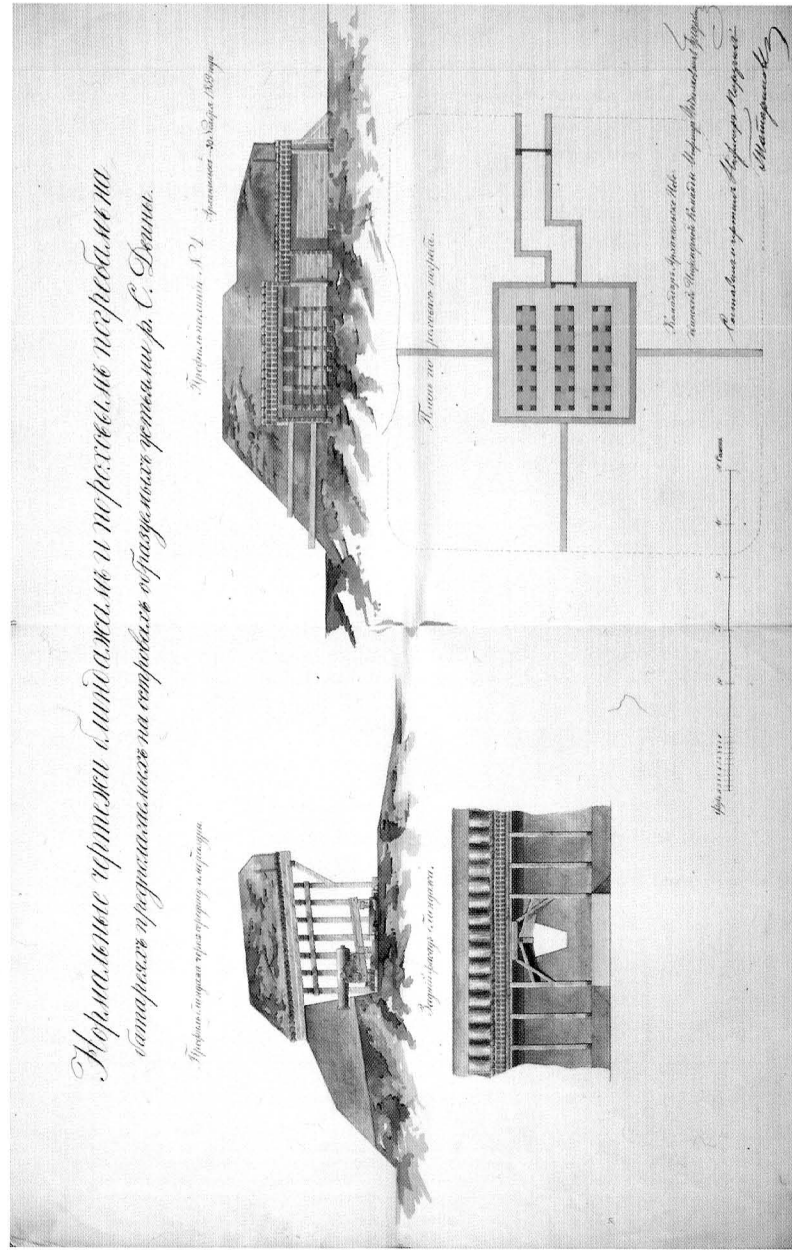

Профиль по линии № 5.

Профиль по линии № 6.

Чертеж артиллерийского блиндажа и порохового погреба для предполагаемых береговых батарей в устье Северной Двины. 1859 г. Инженер-поручик Татаринов. Из фондов РГВИА

минала голландскую крепость, устройство эскарпных стен соответствовало немецкой системе, было в ней много заимствований и от французских крепостей.

Строитель крепости, инженер Георг Резе, ровесник Петра I, до приезда в Россию уже участвовал в войнах — как тогда говорили, в шести кампаниях против Франции — в составе объединённых немецких войск. Уже сформировавшийся инженер, он на практике смог познакомиться с достоинствами и недостатками различных типов крепостей Европы, откуда и постарался заимствовать всё лучшее. Сама Новодвинская крепость была построена как крепость классическая; но при этом место ее расположения было настолько удачно, что она, изначально решая задачу как береговая приморская крепость, могла полноценно защитить себя и от нападения с суши в случае высадки десанта противника.

Говоря о Новодвинской крепости, нужно особо упомянуть и о создании вместе с ней целой системы укреплений в устьях Северной Двины, надёжно перекрывавших противнику все возможные подступы к городу. В истории фортификации принято считать, что зарождение фортового типа крепостей произошло в России при строительстве Кронштадта, а ближе к середине XVIII века стало распространяться и в Европе. Первая фортовая крепость в Германии — Швейдниц — была построена в 1745 году. Саму идею фортовых крепостей теоретически обосновал французский инженер Монталамбер лишь в конце XVIII века.

Здесь уместно процитировать В.Ф. Шперка: «Нередким явлением в практике крепостного строительства XVIII в. была постройка отдельных небольших укреплений вблизи крепости для удержания в своих руках каких-нибудь господствующих пунктов. Такие укрепления иногда назывались фортами. С усовершенствованием артиллерии и способов атаки стремление затруднить бомбардировку крепости и ведение осадных работ потребовало возведения вокруг неё ряда фортов. Таким образом, крепость становилась как бы ядром целого комплекса укреплений. Первой такой крепостью явился Кронштадт, вокруг которого, по идее Петра I, было возведено несколько фортов»¹⁰. Но это известное утверждение требует существенного уточнения.

Справедливости ради надо отметить, что зарождение новых решений в теории фортификации произошло при строительстве Новодвинской крепости в 1701 году на основе указа Петра I.

Обратим внимание на одно слово в первом царском указе о строительстве Новодвинской крепости — «ситадель»; в других списках оно приводится как «сидатель». Текст этого указа давно известен, но значения этому слову раньше никто не придавал. Цитадель — термин в фортификации, обозначающий внутреннее укрепление в крепости, имевшее самостоятельную оборону и служившее последним опорным пунктом для гарнизона крепости в случае падения основных укреплений. То есть Пётр уже в конце 1700 года предусматривал строительство системы укреплений, включающей в себя Новодвинскую крепость как наиболее защищенное фортификационное сооружение. Позже в фортификации такая система получит наименование «большая крепость» — крепость, состоящая из сомкнутой центральной ограды и окружающего её пояса или цепи отдельных самостоятельных укреплений — фортов.

В марте 1701 года Пётр поручил выбор места, подготовку проекта и руководство строительством бранденбургскому (прусскому) инженеру Георгу Эрнесту Резе, или, как его обычно называли в России — Егору Резену: «Он велел тому инженеру где пристойно делать ту новую крепость и учинить вновь чертеж з гратусами, с подлинным и явным розмером и описью, а место к строению той крепости, где он инженер укажет, вычистить и изготовить к бутке рвы, и всякие припасы, а чертеж прислать к Москве»¹¹. Кстати, в те же дни «к строению той новой крепости и к приему припасов и для досмотру послан столник Селиверст Иевлев»¹².

Примечательно, что на чертежах крепости, выполненных Георгом Резе, в его собственноручных пояснениях крепость называется фортом.

Готовясь к обороне Архангельска от шведского нападения, согласно царскому указу, строилась не только крепость, но и система береговых батарей: «Покамест та крепость построитца, велено инженеру на самом берегу реки Двинки или где пристойно место осмотреть и делать 4 батареи с равными редутами, чтоб мочно было друг другу в нужное время помогать и оборонять, а на батареях поставит по 5 пушек не малых со всякими припасы и быть на них по 100 человек служилых людей и поставит туры и насыпку земель, и всегда были как люди так и ружье на тех батареях в готовности, да к тем же батареям зделат ззади очистительные шанцы, чтоб на них не мочно неприятелю взойти»¹³.

На строительных работах 1701 года в разные дни было задействовано более 1000 человек, но при описании боя со шведами

25 июня 1701 года мы находим упоминание только 700 человек. Остальные работные люди должны были находиться у строительства батарей на Пудожемском и Мурманском устьях.

Победа 25 июня 1701 года не только стала поворотным моментом в отечественной и европейской истории начала XVIII века — благодаря своему военно-стратегическому значению. Но ещё никогда историки не пытались оценить значение этого сражения с точки зрения его влияния на развитие фортификации в России.

Конечно, к моменту сражения первая фортовая крепость ещё не была закончена, да и первые батареи были достаточно примитивны и слабо вооружены, однако здесь зародилась и впервые воплотилась в жизнь идея создания укрепленного района для обороны сухоходного фарватера. Он включал в себя строившуюся Новодвинскую крепость с батареями (фортовую крепость) и батареи на двух старых устьях. Таким образом, создание укрепленного района в Архангельске на несколько лет опередило создание крепостного района при перестройке укреплений Киева и строительстве Таганрога.

Петр I по достоинству оценил построенные укрепления: по свидетельству австрийского посла Антона-Оттона Плейера, он послал «инженеру, который столь спешно устроил и подготовил шанцы — 200 дукатов...»¹⁴.

Строительство крепости ни на день не останавливалось. Кроме приписанных к строительству крепости с февраля 1701 года жителей Архангельска и Холмогор, Каргополя, Чаронды, Кевролы и Мезени, в октябре 1701 года Пётр I приписал к строительству Новодвинской крепости Вагу, Великий Устюг, Сольвычегодск, Тотму и Вятку. Работных людей и подводы предписывалось брать по одному с пяти дворов со своими инструментами — с заступами, кирками и железными лопатами. «Всего с 52186 дворов работников 1437 человек, лошадей и заступов, и кирок, и лопат по столку ж». Невыполнение в срок этого указа предусматривало «доправить ценно большую, а бурмистром учинить смертную казнь»¹⁵.

Кроме того, с приписных городов должны были «все каменных дел подмастерья и каменщики, и кирпичного дела мастера, и кузнецы... со всякими снастями выслать к городу Архангелскому»¹⁶.

В 1702 году Архангельск вновь посетил Пётр I.

Параллельно с подготовкой к походу на Нотебург (Орешек) и строительством флота активно строился крепостной район на Северной Двине. В организации работ были задействованы ближайшие сподвижники Петра — А.Д. Меншиков и Ф.А. Головин. За

эту работу в марте 1703 года Петр пожаловал А.Д. Меньшикову «золотой с персоною великого государя за его великому государю верную службу и что он в прошлом 1702 году у Архангельского города... делал фортецию»¹⁷.

И хотя счётных списков о строительстве крепости за 1702 год так и не было найдено — ни при Петре I, когда расследовались злоупотребления воеводы Василия Ржевского, ни позже, — сохранились отдельные разрозненные документы того периода, характеризующие активность строительства фортификационных сооружений. Вот лишь один пример: «По приказу боярина Федора Алексеевича Головина и генерала фельд-маршала и губернатора светлейшего князя Александра Даниловича Меньшикова к городскому делу на Двинке на вымоски подвязей, на вымоски ботарей, и на Двину к церкви, на строение Государевых хором, и в Мурманское устье на строение ботарей, и на крепости у Города, ...а всякие постройку и на вымоску мостов ...о всех башнях ботарей, и на отдачу в полки, и строению полковых лоток и карбасов, и на строение выезжим из-за моря афицером в суды их на которых отпущены от города до Во[л]огды 3087 рублей 29 алтын 5 ден...»¹⁸

Именно в эти дни своего пребывания в Архангельске Пётр неоднократно отмечал высокую готовность укреплений Архангельска к отпору противника, а 4 июля 1702 года он очень конкретно высказался о качестве строящейся крепости и других фортификационных сооружений, составлявших крепостной район: «Здесь учиненные крепости противу наступления неприятельского зело суть в крепости своей довольны, токмо дай вышнии сему свое благословение...»¹⁹

Наиболее полное описание первых построенных укреплений обнаружено в документах о принятии воеводой князем Петром Голицыным городов Архангельска и Холмогор²⁰. Кроме самой крепости, еще не имевшей рavelина, вооружённой 120 пушками и 4 мортирами, на том же берегу в направлении моря были устроены еще три батареи, вооружённые 40 пушками. Кроме того, на Марковом острове находились три батареи и отдельные артиллерийские позиции, оснащенные 23 пушками. Эти укрепления надёжно перекрывали Берёзовское устье Северной Двины — основной судоходный фарватер тех лет, иначе называвшееся в петровские времена Малой Двинкой.

На Мурманском устье Северной Двины, также имевшем судоходный фарватер, но не использовавшемся крупными торговыми

судами, были устроены две большие батареи, вооружённые 52 пушками и 3 пищальями.

Береговые батареи имели высокую степень боевой готовности: одна треть орудий всегда была заряжена. У пушек, в зависимости от обстановки, находилось необходимое количество людей, круглосуточно дежурили офицеры-артиллеристы, которым предписывалось «по вся утра осматривать все на батареях пушки, которые определены на всякий день заряжены быть для обороны входу в пристань, дабы были всегда готовы к стрелянию»²¹.

К сожалению, чертежи этих первых укреплений в архивах пока не обнаружены. Но по поздним чертежам Георга Резе мы знаем, что на Мурманском устье батареи находились на острове Кириллове. Местоположение батареи на Пудожемском устье нам неизвестно. Обе батареи к 1740 году поглотили воды Северной Двины.

В 1720 году в связи с обострением отношений с Англией Пётр снова обратил своё внимание на укрепление Архангельска. 3 мая архангельскому вице-губернатору Ладыженскому был направлен указ, предписывавший «гостин двор палисадами и борствером укрепить и на башнях пушки поставить»²². 7 июля Пётр указал «о достройке у города Архангельского при Малой Двинке крепость чинить». На основании этих указов, под руководством Георга Резе, возобновились работы на Новодвинской крепости, каменный город с гостинными дворами с набережной и с боков был окружен земляным бруствером с палисадом, за бруствером и на башнях были поставлены пушки.

Деревянно-земляные батареи под влиянием времени постепенно пришли в упадок. Средств на их строительство и ремонт не выделялось. 20 июня 1720 года Пётр I, «имея в виду оградить и на будущее время Архангельск от нападений повелел указом вымерять устья Северной Двины со всеми ея протоками, сделать подробный план всего и составить проект укреплений, необходимый для обороны этих устьев»²³.

На основании царского указа в 1721 году Георг Резе предоставил новые проекты²⁴; он предложил растянуть оборонительную линию и, заменив деревянно-земляные батареи на каменные форты — бастионные крепости, создать полноценный крепостной район из трёх взаимосвязанных крепостей: Новодвинской крепости — на 1000 человек гарнизона, форта на Мурманском устье — на 600 человек и ещё одного форта на Пудожемском устье — на 300 человек. И отдельно стоящей крепости в Лапоминской гавани — ар-

хангельском военном порте. Но, вероятно, из-за действовавшего с 1714 года запрета каменного строительства в России это предложение так и осталось нереализованным. Принципиально важно отметить, что именно избранные Георгом Резе места для строительства фортов впоследствии были использованы для строительства береговых батарей.

В 1730-х годах активно ведутся строительные работы в Новодвинской крепости. Но до 1740 года не было никаких распоряжений по исправлению старых укреплений в устье Двины, когда в Архангельск и в Кольский острог командировался инженер Ладожского канала майор Виттиг. Под его руководством была отремонтирована батарея в Лапоминской гавани, которая могла быть вооружена восемью орудиями. «В 1742 году майор Виттиг... возвратился в Петербург, где и представил инженерной конторе составленные им проекты со сметами, но на них не последовало никакого решения»²⁵.

29 января 1742 года архангельские власти послали в Военную коллегия в Санкт-Петербург рапорт и карту, в которых изложили соображения по укреплению Пудожемского и Мурманского устьев. Ранней весной 1743 года, всего за три месяца до победного окончания русско-шведской войны 1741–1743 годов, главная канцелярия артиллерии и фортификации решила начать проектирование редутов, но в Петербурге не нашлось подробного плана местности. 29 марта 1743 года Архангелогородская губернская канцелярия направила в Николо-Корельский монастырь инженер-кондуктора Федора Неелова с поручением: «...осмотреть и учинить тому монастырю план с профили со облегающей ситуацией, до взморья и до устья реки...» Заключение мирного договора 28 июня 1743 года отодвинуло строительство укреплений на подступах к Архангельску на неопределённый срок²⁶.

Дальнейшую судьбу фортификационных сооружений в дельте Северной Двины можно проследить по чертежам, хранящимся в фондах РГВИА.

В 1756 году, по свидетельству Ф.Ф. Ласковского, составление проекта обороны устьев Двины было возложено на инженер-поручика Алексея Тучкова, который предложил возвести новые батареи на Мурманском и Пудожемском устьях и отремонтировать прежнюю — на Лапоминке. Новые батареи были земляные, прямоугольной формы с реданными выступами в середине каждой стороны. Места расположения батарей были избраны очень удачно: на Пу-

дожемском устье — на острове Лицком, а на Мурманском — на острове Никольском у деревни Красной²⁷. В 1757 году по изготовленным чертежам были выполнены строительные работы.

В дальнейшем развитие и совершенствование системы обороны привело к формированию на берегах Северной Двины мощного, укрепленного района. Новодвинская крепость в начале XIX века с разрушением Маркова острова лишилась своего последнего форта. Но формирование к этому времени укрепленного района вывело систему обороны на новый уровень.

Постепенно артиллерийские позиции стали удаляться от крепости и располагались более равномерно эшелонами по дельте Северной Двины на различных угрожаемых участках, объединяя всю систему укреплений в двинской дельте в единый развитый укрепленный район, начинавшийся на Мудьюжском острове и завершавшийся укреплениями в самом центре Архангельска. При этом сердце укрепленного района оставалось в Новодвинской крепости, расположенной в его центре. И цель строительства новых артиллерийских батарей, редутов и ретраншаментов состояла уже не только в предотвращении прохода кораблей противника, но и в предотвращении высадки вражеского десанта, и в организации борьбы с ним.

Идею строительства отдельно стоящих батарей в системе единого укрепленного района в те времена объясняли необходимостью минимизации экономических потерь от потерь боевых. «С одной стороны удачною стрельбою выводится из строя дорого стоящее военное судно с его артиллерией в несколько десятков орудий и с экипажем в несколько сот человек; с другой стороны — береговая артиллерия лишается нескольких орудий с их прислугою в несколько десятков человек (береговая батарея)»²⁸.

Новый укрепленный район с всерным расположением батарей проектировал в 1790 году инженер-подпоручик Афанасий Обручев. Линия батарей призвана была создать надежную передовую линию обороны, запиравшую от агрессора входы во все судоходные рукава Северной Двины.

Первым должен был встретить врага мощный редут на восемь 30-фунтовых орудий на мысу Мудьюжского острова. Были устроены редуты на островах Кумбыш, Самоноска, Лясмин и два редута на северной и южной оконечностях острова Ягры. Около этих редутов были устроены «маяки», которые кроме навигационных задач должны были стать световым телеграфом для передачи информации о нападении.

Объективности ради необходимо отметить, что такое размещение батарей было не самым удачным. Проектировались и сооружались они в большой спешке — наступило ухудшение отношений с Англией. Перечисленные батареи защищали не основное судоходное русло — Берёзовское, а Никольское, Мурманское и Пудожемское, которые из-за своей мелководности с наименьшей вероятностью могли быть использованы противником для нападения на Архангельск. На Березовском устье врага должна была встретить Новодвинская крепость с батареями на Марковом острове.

По проекту А. Обручева, защита Архангельского военного порта была значительно усилена. Была не только отремонтирована Лапоминская батарея; дополнительно возвели редут, а порт и само селение было огорожено ретраншаментом.

В наши дни в рамках работ, проводимых в ходе научной комплексной программы «Пудожемское устье реки Северная Двина» были выполнены археологические раскопки на севере острова Ягры²⁹. Однако предположение о находке редута, сделанное участниками экспедиции, так же как и реконструкция самого редута, выполненная на основании данных археологических исследований, ошибочны. Размеры и расположение найденных строений позволяют с большей вероятностью предположить, что это жилые или хозяйственные постройки — например остатки обваловки палаток. С большей вероятностью можно предположить, что стрельбище, расположенное на месте раскопок, было устроено с использованием остатков валов редута — косвенным подтверждением этого является наличие остатков рва с двух сторон данного сооружения. Однако археологическое исследование валов стрельбища не производилось. Подлинный редут имел внутренний размер около 45–50 метров, был окружен бруствером толщиной около 6 и высотой около 2 метров. Бруствер на всю высоту был обшит брёвнами. Внутри редута была устроена казарма и пороховой погреб. Снаружи редут опоясывался сухим рвом³⁰.

П.И. Челищев, посетивший Архангельск в 1791 году, кроме того упоминал в своем дневнике большую батарею «о двух фасах с пушками» на территории адмиралтейства³¹ и укрепления, ограждавшие Соломбальское селение — «по причине нынешней со Шведами войны, версты на две обнесено невысоким земляным валом и рвом, укрепленным редутами и банкетами»³².

В начале XIX века развитие укрепленного района продолжилось созданием эшелонированной обороны вдоль судоходных фарватер-

ров реки. Руководство работами по ремонту Новодвинской крепости, укреплению обороны устья Северной Двины осуществлял инженер-генерал фон Сухтелен. В 1801 году им была пересмотрена система обороны 1790 года, в результате чего отказались от батарей на острове Кумбыш и на северной оконечности острова Ягры как наименее эффективных из-за удалённости от фарватера.

Работами на батарее Маркова острова руководил лично Сухтелен, а на остальных батареях руководство строительством было возложено на инженер-штабс-капитана Гамберха и инженер-капитана Сакена³³.

В результате были значительно перестроены и усилены батареи на Марковом острове, в Лапоминской гавани, на Нижних Яграх. При этом старое укрепление на Яграх было срыто³⁴.

Новые укрепленные места появились:

1. На северном мысу Повракульского острова, в месте слияния Маймаксы и Кузнечихи. На месте этого укрепления сейчас находится погрузочно-разгрузочный район Экопомия Архангельского морского торгового порта. Укрепленное место представляло собой большую артиллерийскую батарею, вооружённую 16 пушками. Перед бруствером батареи был устроен ров, заполненный речной водой.

2. На острове Бревенник укрепленное место представляло собой большую батарею и расположенную в непосредственной близости от неё малую батарею.

3. Укрепленное место на Соломбальском острове у церкви Святого Лаврентия включало в себя одну большую батарею и две малые артиллерийские позиции.

Кроме того, были построены новые батареи:

- на Цигломенском острове выше впадения речки Цигломина,
- на Братиловской кошке,
- на Братиловском острове выше д. Братинская,
- на северо-западном мысу о-ва Самоноска,
- на северо-западном мысу о-ва Лясомин.

Соломбальское селение было ограничено ретраншаментом — земляным валом с полисадом. Точно датировать его появление пока невозможно, однако вероятно, что он был построен по линии вала, упоминаемого П.И. Челищевым. Сегодня фрагменты остатков вала ретраншаamenta ещё можно увидеть на пустырях, во дворах жилых домов, по линии старой застройки улицы Челюскинцев.

21 августа 1807 года, в связи с обострением отношений с Англией, архангельским военным губернатором адмиралом фон Дезиным «во исполнение высочайшей воли Государя Императора» был объявлен приказ «привести Новодвинскую крепость в оборонительное состояние а равно находящееся против крепости на острове Маркове полевое укрепление возобновить по прежнему как оно было сделано господином инспектором всего департамента и кавалером Фан Сухтеленом, которое почти до основания разрушено при вскрытии реки от проходу льда, как и прочие укрепления находящиеся в разных местах по устьям Двины реки...»³⁵

В 1807–1808 годах переведённым из Кексгольмской крепости инженер-майором Третьяковым³⁶ были приведены в порядок имевшиеся батареи и дополнительно построены новые:

- батарея из деревянных ряжей с заполнением камнем, под флагом при Архангельском адмиралтействе, была вооружена пятнадцатью пушками 12-фунтового калибра;

- аналогичная по конструкции ряжевая батарея на Соломбальском острове в 240 саженях за ретраншаментом. На вооружении у неё было четырнадцать пушек 24-фунтового калибра, два полукараула, четыре коронады, две двухпудовые мортиры;

- батарея на мысе Пур-Наволок в центре Архангельска;

- Усть-Маймаксанская батарея, расположенная перед началом Маймаксанского рукава — сегодня на этом месте находится биржа СЛДК.

К осени 1814 года Гаванская (от слова «гавань»), расположенная в одной версте от адмиралтейства, и Усть-Маймаксанская батареи в результате подмыва берега разрушились. По предложению главного командира Архангельского порта контр-адмирала Клокачева, в связи с тем, что остановить их разрушение было уже невозможно, указанные батареи были разобраны. Тогда же, несмотря на предложение контр-адмирала Клокачева, поддержанное морским министром маркизом де Траверсе, было принято инженерным департаментом решение «о бесполезности предполагаемого укрепления около Архангельска острова Маркова» — в связи с быстрым размывом острова разрушенную ледоходом батареею на острове больше не восстанавливать и никаких работ по укреплению острова не производить³⁷.

Известный русский фортификатор Л. Фриман, излагая мнение своих коллег, писал: «Относительно Архангельска следует заметить, что он представлял собой изолированный укрепленный пункт,

который, перейдя во власть неприятеля, не мог принести ему существенной пользы для продолжения его дальнейших наступательных действий. Для защиты Архангельска имелись по прежнему крепостца Новодвинск и те временные батареи и укрепления, которые возводились всякий раз при угрожавшей ему опасности»³⁸.

Но развитие укрепляемого совсем не означало уменьшение значения Новодвинской крепости, она оставалась главным оборонительным сооружением в дельте Двины. Крепость развивалась и совершенствовалась, продолжая традиции первенства в отечественной и европейской фортификации. Как при Петре, так и позже она становилась полигоном для новых идей и инженерных решений, которые, увы, часто оставались незамеченными, а позднее оказывались забытыми — из-за того, что сильно опережали время.

В России развивалась теория активного способа обороны крепостей, что, в частности, предусматривало организацию фронтальных артиллерийских позиций. В Новодвинской крепости артиллерийские позиции выносятся не только на куртины и фоссебрею, но — в 1810 году — и на гласис; а именно на его северо-западную часть, обращённую в сторону моря, в направлении возможного появления неприятельского флота. Появление артиллерийского гласиса более чем на 40 лет опередило идею Тотлебена, высказанную им на основании опыта обороны Севастополя в Крымской войне. Видимо, для этого и была построена каменная облицовка контрэскарпа северной части гласиса.

Совершенствуются и частично перестраиваются пороховые погреба, при этом также применяются новые инженерные решения. В частности, в 1844 году на пороховых погребах появляются громоотводы. В 1854 году на входе в пороховой погреб Могильного бастиона появляется «тамбур» — а фактически первый сквозник для защиты от выстрелов, что на несколько десятилетий опережает их массовое использование в крепостном строительстве, причём не только в России.

С началом Крымской войны Новодвинская крепость полностью перевооружается и укрепляется. Во всех крепостных воротах устраиваются шандорные заграждения, усиливается бруствер, устраиваются дополнительные пороховые погребки. 5 марта 1854 года крепость объявляется на осадном положении.

В 1854 году были построены, частично отремонтированы старые и вооружены батареи:

- между д. Глиник и р. Лая — десять 12-фунтовых пушек,
- в трёх верстах на север от д. Красная — восемь 18-фунтовых пушек,
- при Соломбальском селении — восемь 36-фунтовых пушек,
- на Повракульском острове — восемь 18-фунтовых пушек,
- на острове Мудьюг, примерно в двух верстах от южной оконечности острова — три 12-фунтовые пушки,
- при Лапоминской гавани — батарея, оборудованная на правом фланге старой батареи — две 36-фунтовые и шесть 18-фунтовых пушек.

В 1855 году были дополнительно вооружены батареи:

- при Архангельском адмиралтействе,
- на острове Бревенник — две пушки 18-фунтовых и четыре 36-фунтовых,
- на острове Муравой — четыре однопудовых единорога.

Кроме того, на высоком берегу Кузнечевского рукава в районе современной таможни располагалась учебная батарея.

Созданный в устье Северной Двины укреп район обеспечивал надёжную защиту Архангельска от нападения англо-французской эскадры. Несмотря на поставленные задачи, флот противника не решился напасть на Архангельск, ограничив свои действия акваторией Белого моря.

В конце 1850-х годов на основании опыта Крымской войны в Российской империи пересматривается тактика войск и система укреплений. В 1859 году главный командир Архангельского порта и архангельский генерал-губернатор генерал-адъютант Богдан (Готлиб) Александрович фон Глазенап утверждает вооружение новых батарей для обороны Архангельска. В фондах РГВИА хранятся семь чертежей с собственноручными надписями Глазенапа. Это чертежи предполагаемых батарей близ деревни Глиник, близ деревни Красной, близ Соломбальского селения, на острове Бревенник, на Повракульском острове, на острове Муравой, а также на острове Мудьюжском. Тогда же появляются и проекты устройства «блиндажей» — фактически первых артиллерийских ДЗОТов, предполагаемых для строительства на островах, образуемых устьями Северной Двины. Однако нам неизвестно, были ли эти проекты реализованы полностью или хотя бы частично.

В 1861 году упраздняется Архангельский военный порт, 12 января 1863 года Государь Император Александр II высочайше пове-

лел упразднить и Новодвинскую крепость. Архангельск остается фактически разрушенным и беззащитным.

Полвека спустя, с началом Первой мировой войны, решать вопрос обороны Архангельска придётся с чистого листа.

¹ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть 1. — СПб., 1858. С. 267–268.

² Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. Исторический очерк. — М., 1956. С. 19–20.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 158. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

⁴ Дополнение к актам историческим (ДАИ). Т. 3. — СПб. 1848. С. 61–65.

⁵ Там же. С. 61–62.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Ласковский Ф.Ф. Указ. соч. С. 74.

⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 202. Л. 1.

⁹ Трейдлер М. Об обороне береговых крепостей, портов и прибрежий. — Одесса, 1908. С. 4.

¹⁰ Шперк В.Ф. История фортификации. — М., 1957. Цитируется по http://www.fortification.ru/library/shperk_f050.html.

¹¹ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 3 об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 4 об.–5.

¹⁴ Беспятовых Ю.Н. История знаменитого сражения. Шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году. — Архангельск, 1990. С. 140.

¹⁵ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 7 об.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Есипов Г.В. Князь Александр Данилович Меньшиков. Русский архив. Кн. 2. С. 239. Цитируется по: Калязина Н.В. Александр Меньшиков — строитель России. Часть 2. — СПб., 2006. С. 207.

¹⁸ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 23 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 3. Л. 29 об.

²⁰ Там же. Д. 31.

²¹ Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. Исторический очерк. — М. 1956. С. 31.

²² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 827. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

²³ Ласковский Ф.Ф. Указ. соч. Часть 2. — СПб., 1861. С. 498–499.

²⁴ РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1671, 1672.

²⁵ Ласковский Ф.Ф. Указ. соч. Часть 3. — СПб., 1864. С. 159.

²⁶ Шалыпин С.О. Три столетия Ягорского острова // Северодвинск. Испытание на прочность. Очерки, воспоминания, исследования. — Архангельск, 1998. С. 85.

²⁷ Ласковский Ф.Ф. Указ. соч. Часть 3. — СПб., 1864. С. 160.

²⁸ Трейдлер М. Об обороне береговых крепостей, портов и прибрежий. — Одесса. 1908. С. 5.

²⁹ Климов А.И., Беличенко А.Е. Научная комплексная программа «Пудожемское устье реки Северная Двина». Выпуск 1. — Архангельск–Ржев, 2004. С. 21–23, 33.

³⁰ РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1740.

³¹ Челищев П.И. Путешествие по северу России в 1791 году. — СПб., 1886. С. 99.

³² Там же. С. 102.

³³ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 118.

³⁴ Там же. Л. 93–114.

³⁵ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 185. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 36–50.

³⁷ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 364.

³⁸ Фриман Л. История крепости в России. Часть I до начала XIX столетия. — СПб., 1895. С. 149.